

КОСМАТАЯ ОБЕЗЬЯНА

*Комедия из дрянси и современной жизни
в одном действии*

Перевод В. Харитонова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Роберт Смит, Янки.
Пэдди.
Лонг.
Милдред Даглас.
Ее Тетка.
Второй механик.
Надзиратель.
Секретарь отделения.
Полицейский.
Кочегары, дамы, господа и т. д.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кубрик кочегарной бригады на трансатлантическом лайнере, час назад вышедшем из нью-йоркского порта. Сцену опоясывают узкие стальные койки в три яруса. В глубине—дверь, перед койками—скамьи. Наблизившись в помещение люди кричат, бранятся, смеются, поют; неясный клубящийся гул плотнее, выливается в бессильно-яростный вопль зверя, посаженного в клетку. Почти все пьяны. По рукам ходят бутылки. На людях саржевые штаны и тяжелые, грубые башмаки.

Кое-кто в нижней рубашке, большинство обнажены до пояса. Трактовка этой сцены, как и любой другой сцены в этой пьесе, шиком образом не должна сбиваться на натурализм. Нужно дать почувствовать тесноту корабельной утробы, тюремную хватку стали. Косичные горизонталы и вертикали переkreщаются, словно прутья стальной клетки. Потолок давит на головы, люди не могут распрямиться, усугубляя привычную сутулость, которой их наградили шуровка угля и гипертрофия мышц плечевого пояса. Внешне они похожи на неандертальцев, какими тех рисуют. У всех волосатая грудь, длинные, нечеловечески сильные руки, брони козырьком над сверлящими угольками глаз. Здесь представлены все светлокотные расы, но различаются эти люди между собой лишь слабыми оттенками цвета волос, кожи, глаз.

Занавес поднимается под многоголосый гвалт. На авансцене сидит Янки. Он крупнее своих товарищей, жестче, круче, в нем больше нервы в себя. Те вынужденно, трусливо признают его превосходство. Вообще же он представляется им образом, украшением их породы, незаурядной личностью.

Голоса. Дай мне выпить, эй!

— Промочи горло!

— Salute!

— Gesundheit!

— Scoal!

— Он вдрызг пьяный, разрази меня бог!

— Твое здоровье!

— Будь счастлив!

— Отдай бугылку, умник!

— Не переводи добро!

— Ха, Лягушатник! Где тебя черти носили?

— Ездил в Турен.

— Я буду ему морда бить, ей-бог!

— Дженкинс? Первый механик? Паршивец он!

— Тут его гады сцапали, а я смотался...

— Я лучше ниво любить. Голова не болей.

— Говорю тебе: дешевка. Она меня во сне обобрала!

— Пошли они все в пекло!

— Брехня!

— Повтори еще раз!

Стычка. Драчунов разнимают.

— Без драки!

— Вечером!..

— Ну, кто кого?

— Рожа голландская!

- Вечером наверху потолкуем!
- Ставлю на голландца!
- У него удар убойный.
- Заткнись, Макаронник!
- Спокойно, ребята. Тут все свои.

Кто-то начинает горлашить песню.

Пиво — не смазка,
Пей под завязку!

Янки (похоже, он впервые обращает внимание на галдеж. Угрожающе повернувшись, брезгливо и повелительно подает голос). Прекратите шум! Какое еще, к черту, пиво? Пусть его бабы лакают и голландцы. Я люблю чего покрепче. Дайте выпить, ребята!

Ему с готовностью протягивают сразу несколько бутылок. Одним глотком ополовинив бутылку и не выпуская ее из рук, он устремляет на владельца снирепый взгляд, и тот спешит одобрить грабеж: «Все правильно, Янки. Пей, не стесняйся». Янки брезгливо отворачивается от всех. Повисает неловкое молчание.

Голоса. Уже Мыс, наверно, огибаем.

- Покачивает.
- Шесть дней жариться в аду, пока придем в Саутгемптон.
- Если кто взять мой первый вахта, ей-бог!
- Что, германец, мутит?
- Глотни для поправки.
- Что у тебя там?
- Джин.
- Это пусть черномордые пьют.
- Абсент? Отрава. Последние мозги загубишь, Лягушатник.
- Виски — вот что надо пить.
- А где Пэдди?
- Спать собрался.
- Спой песенку про виски, Пэдди.

Все поворачиваются к авансцене, где на койке дремлет порядочно измучившийся, изможденного вида старик ирландец. В его глазках застыли печаль и безответность обезьяны, с которой и лицом он стал поразительно схож.

- Стареет. С пьянкой ему надо сокращаться.
- Перебрал.

Пэдди (обиженно помаргивая, встает, его кидает из стороны в сторону, он хватается за край койки). Чтобы неть, у меня перебора не бывает. Вот помру — тогда и неть расхочется. (Грустно, с презрительной ноткой.) Ну что, «Виски, Джонни»? Нашу матросскую? Не заслуживаете вы, поганцы, да уж ладно. (Запеваёт гнусавым, печальным голосом.)

Виски сыну — верный друг.
Лей виски, Джонни!

Все подхватывают припев.

Виски сыну — верный друг.
Пей виски, Джоппи!

Тоже поют все вместе.

А папаше — первый враг.
Лей виски, Джонни!
А папаше — первый враг.
Пей виски, Джонни!

Япки (*поворачивается и снова окатывает их презрением*). Дьявольщина! Кончай это пиратское нытье! Давно сгнули твои парусники, понял? И твоя песенка тоже спета, запомни. Уймись и дай нам покой. Перестаньте орать. (*С криком усмешкой*.) Не мешайте думать.

Все (*с такой же издевательской насмешкой подхватывают хором*). Думать!

В этом единогласии режет слух металлический призыв, словно слово исторгнуто лужеными глотками граммофонов. За выкриком следует взрыв грубого, лающего смеха.

Голоса. Не повреди голову, Янки!
— Голова заболеть, ей-бог!
— Как с похмелья!
— Ха-ха-ха!
— Чем дурью мучиться, лучше пить!
— Лучше пить!
— Лучше пить!

Скандируют хором, топоча ногами, молотя кулаками по скамейкам.

Япки (*отхлебнув из бутылки, добродушно*). Ладно, хватит. Кончайте базар. Для первого раза прощаю.

Гомон стихает. Очень пьяный прочувствованный голос заводит песню.

В далекой Канаде,
За синью морей,
Любимая дома тоскует:
«Любимый, вернись поскорей!»

(*С безграничным презрением*.) Заткнись, придурок! Где набрался этой чепухи? «Дом»! Дьявольщина. Я тебе устрою «дом». Я тебе голову оторву. «Дом»! Сгори он в аду. Где ты набрался этой дряни? Твой дом — здесь, понял? Какой тебе еще нужен? (*Гордясь собой*.) Я сопляком сбежал из дома. Ног под собой не чуял. Дома я, кроме порки, что видел? А с тех нор забыл, с чем это

едят. Может, кто хочет напомнить? Ха! Правильно, не соизволю. *(Спокойнее, но не убавляя презрения.)* Подружка его ждет, ишь ты! Дьявольщина. Забили головы всякой дрянью. Никого они не ждут. Они за грош продадут человека. Все сплошь шлюхи. Давить их надо. Стори они в аду. Вся их порода продажная.

Лонг *(очень пьян, вспрыгивает на скамейку, размахивает бутылкой)*. Слушайте меня, товарищи! Янки правильно говорит! Что это грязное корыто — наш дом. Что в аду наш дом. Все правильно! Вот он ад, здесь. В аду живем, товарищи, и в аду, как пить дать, околем. *(Закиная гневом.)* А кто, спрошу я вас, виноват?! Мы не виноваты! Мы не для такой поганой жизни родились. Люди рождаются свободными и равными. Так в Библии записано, черти бы ее взяли! А паразиты плывут первым классом — и плюют на Библию! От них все зло. Сделали из нас наемных рабов, загнали в утробу окаянного парохода — потей, жарься, глотай угольную пыль! Это на их совести, на совести класса капиталистов, будь он проклят!

Недовольный ронот нарастает и раздражается свистом, шиканьем, грубым смехом.

Голоса. Закрой поддувало!

— Заткнись!

— Сядь на место!

— Умолкни!

— Какой дурак, ей-бог!

Янки *(поднимается, устремляет взгляд на Лонга)*. Сядь, пока я тебя не усадил.

Лонг тушуетя.

(Продолжает гневное обвинение.) Библия, говоришь? Класс капиталистов, говоришь? Армия спасения — к этому клонишь? Даешь трибуну! Даешь зал! Приходите, спасемся — так, что ли? Припадем к Иисусу — так, что ли? Тьфу! Я таких, как ты, наслушался. Путаники вы все. Хочешь знать, что я про вас думаю? Что от вас никакой пользы. Что вы все брехуны. Стержня в вас нет. Трухачи вы, понял? Трусло. Что ты нас стращась тюфяками из первого класса? Куда они против нас? Любой из наших уложит их всех одной левой. Ты приведи хоть одного, пусть выстоит вахту у топки — его же потом на носилках уволочут. Эти белоручки ни на что не годятся. Мертвый груз. Нашу старую лохань кто с места двигает? Не эти, что ли, ребята? Выходит, мы нужны. Мы нужны, а те — не нужны. И весь разговор.

Громогласное единодушное одобрение.

(Продолжает.) Ты говоришь—здесь ад? Ты просто сломался. Здесь мужская работа, понял? Это нужное дело. Иначе эта лохань не поплывет. Доходягам тут делать печего, а ты—доходяга. Трусло.

Голоса *(в них звучит горделивое чувство)*.
Верно!

- Мужская работа!
- Языком трепать легко, Лонг.
- Он всегда садится в лужу.
- Черт бы его взял!
- Янки прав. Мы движение даем пароходу.
- Янки правильный сказать, ей-бог.
- Плакальщиков нам не надо.
- И говорунов!
- Гнать его отсюда!
- Трусло!
- За борт его!
- Сейчас я ему зубы пересчитаю!

Угрожающе подступают к Лонгу.

Янки *(остывая, брезгливо)*. Уймись. Не трогайте его. Не марайте рук. Выьем, у кого есть. Будем здоровы. *(Делает большой глоток из бутылки.)*

Все тоже прикладываются к бутылкам. В следующую минуту воцаряется веселое дружелюбие—с хлопками по спине, общим ором и тому подобным.

Пэдди *(грустно-сосредоточенный, только помаргивающий все это время, срывается в крик, выплескивая неизбывную печаль)*. Говоришь, мы нужны здесь? Мы движение даем пароходу, да? Коли так—сжался над нами, господи! *(Сидя на койке, раскачивается взад и вперед, стелая, как над покойником.)*

Все словно цепенеют и заворожено смотрят на него.

Э-эх, где же вы, золотые мои молодые депечки! Куда же вы сплыли, расчудесные корабли, клипера с мачтами до самого неба, с расчудесными ребятами-богатырями, настоящими сынами моря, потому что море было им как родная мать! Какая же у них чистая кожа, какие ясные глаза, прямые спины и грудь колесом! Смелые парни, отчаянные. Мы ходили вокруг мыса Горн. Снимались на рассвете, с попутным ветром, горланя морские запевки. За кормой пропадает земля, а нам трын-трава, мы смеемся и назад не оборачиваемся. Живем сегодняшним днем, потому что вольные птицы, только рабы, покуда не доживут до моих лет, печалятся о вчерашнем дне и торопят завтрашний. *(С благоговейным трепетом.)* Пассат несет к

югу, как на крыльях, дни и ночи напролет. На всех парусах! Дни и ночи напролет! А какие ночи! То кильватер полыхает огнями и в небе сверкают и перемигиваются звезды. То — полнолуние, корабль бежит в сером сиянии, наверху напрягаются серебристо-белые паруса, ни звука на палубе, ребята размечтались, и уже кажется, что корабль твой не взаправдашний, а призрачный, вроде Летучего голландца, который, говорят, вечно скитается по морям без пристанища. А дни какие! Теплое солнце заливает чистые палубы. Солнце согревает твою кровь, ты пьянеешь от ветра, набегавшегося по всей шире изумрудного сверкающего океана. Работа? Еще как работали! Но никто не роптал. Работали под чистым небом — и еще: смекалка требовалась в работе и отвага. Зато кончится день, закуришь на полувахте трубочку, высмотришь на горизонте землю, а это, может, горы Южной Америки, и солнце, садясь, румянит их белые вершины, и вровень с ними плывут облака. *(Восторг спадает, продолжает зауспокойным тоном.)* Э-э, какой прок в этих баснях! Шепот умирающего. *(В сторону Янки, с вызовом.)* В ту пору, а не теперь люди были заодно с кораблями. В ту пору корабль был частью моря, человек — частью корабля, а море объединяло всех в одно целое. *(Пренебрежительно.)* А тебе роднее по-нашему? Дым, от которого черным-черны небо и палубы? Машины, которые быются в лихоманке? И ни тебе солнышка, ни глотка свежего воздуха! Забивай легкие угольной пылью! Надрывайся, срывай сердце у адской топки! Корми прожорливую пасть! Скармливай с углем себя самого! Крутись, словно обезьяна, в стальной клетке, подальше от неба. *(Грубо рассмеявшись.)* Ха-ха, чертов угодник! И в этом котле ты хочешь вариться? Собственными кишками крутить колеса?

Янки *(презрительно улыбался, пока Пэдди говорил, а теперь вываливается).* Факт! Хочу! Что дальше?

Пэдди *(сокрушенно и как бы самому себе).* Ушло мое времечко, кануло. Так пусть меня смоет высокая волна с солнцем за пазухой, когда я вот так же размечтаюсь о прошедшем.

Янки. Совсем спятил! *(Вскакивает на ноги, угрожающе подступает к Пэдди, но под влиянием самому ему неясных чувств остывает и говорит презрительно).* Ладно, не ной. Про тебя все понятно. Ты чокнутый, малахольный. Ты тут распинался черт-те о чем — это понятно. Только сгнуло это все! Ты не при деле. В тебе нет толку. Ты свое отжил. *(Озлобляясь.)* А ты бы разок поднялся проветриться, посмотрел бы, что понаделалось, пока ты жил вчерашним днем. *(Его прорывает; зажигает-*

ся от собственных слов.) Слушайте! Я про себя сказал, что думал! Какого черта! Дайте сказать! Эй! Старый невуи! Ребята! Послушайте меня, затихните на минутку, мне надо сказать. Я на месте, а ему тут нет места. Он мертвый, а я живой. Слушайте меня! Конечно, я—одно с машиной. Еще бы нет! Машина движется, так? Дает скорость, так? Прег напролом, так? Двадцать пять узлов! Не шутка! Совсем другая песня! В этом—есть смысл! А старика—на свалку. Он заговаривается. Он что говорил? Какие-то там дни и ночи. Звезды и луна. Солнце, ветер, чистый воздух и еще какая-то мура. Брехня все, отравка. Он нам голову дурит своими сказками. Он выдохся и ни на что не годится. А я—молодой. Меня сила расширяет. Откуда она у меня? Да из этого самого, из чего все происходит. Рядом с этим его брехня—пшик, пыль, прах. Тут—машины, уголь, дым и все что полагается. Он, видишь ли, дышать не может угольной пылью, давится. А я—могу! Для меня она как глоток воздуха. Как глоток воды! Потому что я по-другому сделан. Кочегарка, говоришь, суций ад? Правильно. Ад—подходящее рабочее место. Жарко? А я люблю. Я жару за обе щеки уилетаю, толстею с нее. Я сам это пекло наладил, и этот грохот, и движение. Не будь меня—и все остановится. Все замрет. Гул затихнет, дым развеется, машины застопорятся—и мир станет. Крышка! Теперь смотри: всякому движению нужен толчок. Без него ничто не сделается. Теперь копни глубже, и вот он—я! Все в меня уперлось. На мне кончается и с меня начинается. Я толкну—и мир тронется, и через меня новое сомнет старое. Без меня уголь не горит. Я—пар и масло в машинах. Я—гул, который вы слышите, я—дым, я—скорые поезда, и пароходы, и заводские свистки. Без меня золото еще не деньги. Без меня сталь не выплавится из руды. А сталь—на ней все держится. И я—эта сталь. Ее мышцы, ее сила. *(Вторя словам, молотит кулаком по стальным коечным ярусам.)*

Распаленные его речью, шалея от гордых мыслей, товарищи следуют его примеру.

(Надсаживается под оглушительный металлический гром.) Рабы?! Дьявольщина! Это мы всем распоряжаемся! Богачи—пустое место, хотя пыжаты. Они ни при чем. А мы дело делаем, мы всею причина.

В продолжение его монолога Пэдди не переставал прикладываться к бутылке—поначалу, видно, напуганный словами Янки, а потом оглушенный ими, желая скорее отключиться, и сейчас он достиг состояния блаженного безразличия ко всему.

(Видит, как тот шевелит губами, криком обрывает общий гвалт.) Угомонитесь, ребята! Помолчите чуть! Наш певун что-то говорит.

Пэдди (как раз в эту минуту ему приспичило издать зловредный смешок). Хо-хо-хо!..

Янки (замахиваясь кулаком, со злобой). Ну, ты! Смотри, на кого зубы скалишь!

Пэдди (с полнейшим благодушием запевает «Мельника с реки Ди»)

Никто мне не нужен, один обойдусь,
И сам никому я не нужен.

Янки (мгновенно приходя в такое же благодушное настроение, звучно шлепает Пэдди по голой спине). Вот это — правильная иссняя! Начинаешь соображать. Никто не нужен — в этом вся штука. Гори они все в аду! И плевать, что сам никому не нужен. Я, к примеру, сам себе нужен.

Бьет восемь склянок, сквозь стальные переборки звук доходит глухим рокотом, словно огромный медный колокол заключен в сокровенные глубины корабля. Люди безотчетно вскакивают на ноги и молча, тесной вереницей, как на тюремной прогулке, выходят в дверь.

(Шлепает Пэдди по спине.) Отпелся: наша вахта. (Насмешиливо.) Спускайся в ад. Жуй угольную пыль. Глотай жару. Золотые слова. Постарайся все это полюбить, иначе — каюк.

Пэдди (весело и наплевательски). Пропади все пропадом! Не пойду я на вахту. Пусть в журнал записывают. Это вы — рабские душонки, а я тут посижу, выпью еще, подумаю, помечтаю.

Янки (пренебрежительно). Подумаю, помечтаю! Что это тебе даст? О чем тут думать? Мы идем полным ходом! С ветерком! По тебе, лучше завязнуть в тумане. А нам он не помеха, мы его насквозь пронзим — двадцать пять узлов! (С презрением отворачивается от него.) Тошно с тобой. Нет от тебя толку. (Широко ступая, выходит в дверь.)

Пэдди что-то напевает под нос, сонно помаргивает.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Спустя два дня. Площадка на верхней палубе. В шезлонгах полулежат Милдред Даглас и ее Тетка. Милдред — изящная, хрупкая девица двадцати лет с бескровным миловидным лицом, которое портит пугливое

выражение высокомерия. В ее манерах сквозят досада, раздражение, недовольство своей никчемностью. Тетка — дама в возрасте, самоуверенная и заносчивая, толстая. Законченный типаж — тут и двойной подбородок, и лорнет. Одета претенциозно, словно не очень доверяет лицу в качестве визитной карточки. На Милдред все белое.

Красивая, резвящаяся жизнь моря определяет настроение этой сцены: палубу щедро заликает солнце, набегает ветерок. И так неуместны такие лишние здесь эти вареные, вялые личности: старуха просто кусок теста, слегка поджаренный, а девушки производят такое впечатление, что к ее зачатию жизненные силы рода были уже исчерпаны, жизнотворного начала она лишена.

Милдред (*мечтательно возведя глаза к небу*). Как клубится по небу черный дым! Правда, красиво?

Тетка (*не поднимая глаз*). Ненавижу всякий дым.

Милдред. Моя прабабушка курила трубку. Глиняную.

Тетка (*надменно*). Пошлость.

Милдред. Неподходящее слово для предков. Время облагораживает трубки.

Тетка (*со скукой в голосе, хотя раздражена*). Так вот чему научила тебя социология в колледже — гробокопательству! Оставь в покое прабабку.

Милдред (*как сквозь сон*). Которая дымит трубкой в раю.

Тетка (*озлившись*). Нет, ты самая настоящая гробокопательница! Ты даже становишься похожа на нее, голубушка.

Милдред (*невозмутимо*). Я ненавижу вас, тетя. (*Окинув ее критическим взглядом.*) Знаете, на что вы похожи? На свинной студень, который стынет на клеенке в кухне какого-нибудь... Подробности уже не интересны. (*Закрывает глаза.*)

Тетка (*горько рассмеявшись*). Мерси за откровенность. Но раз меня определили как бы присматривать за тобой, то давай заключим что-нибудь вроде вооруженного перемирия. Что касается меня, ты вправе позволять себе любую экстравагантность, если, разумеется, она в рамках приличий...

Милдред (*протяжно*). Каких привычек?

Тетка (*словно не расслышав*). Завершив скандальное обследование Ист-Сайда в Нью-Йорке — бедняки, кстати, должны тебя ненавидеть за то, что ты открыла им глаза на их положение, — ты теперь вознамерилась обойти иноземные трущобы. Что ж, надеюсь, Уайтчепел даст тебе нервную встряску, раз ты без нее не можешь. Но я тебе в эти места не провожатая. Я и отцу так сказала. Я ненавижу всякое убожество. Наймем тебе армию детективов — и занимайся своими исследованиями, они тебя всюду проведут.

Милдред (*почти искренне возмущаясь*). Пожалуйста, не смейся над моими попытками узнать жизнь другой половины. Я делаю это, может быть, бестолково, но искренне, поверь. Я хочу помочь людям. Хочу быть полезной. Разве я виновата, что не знаю, как это делается? (*Безнадежно, с горечью.*) Только, боюсь, нет во мне запала, твердости. Наш род все это спалил, на мою долю ничего не осталось. В дедовых домах огонь полыхал до неба, плавилась сталь, текли миллионы, потом отец добавил жару, потекли новые миллионы, потом все оборвалось на мне. Как те же миллионы, я — отход бессемеровского процесса. Или еще точнее, мне передается вторичное свойство побочного продукта — богатство, но благодетельница-сталь не делится со мной ни крупницей своей энергии, своей силы. Я родилась в золотых яслях, и пути на мне золотые, и, как скажут на ипподроме, ставить на меня — пустой номер. (*Грустно смеется.*)

Тетка (*равнодушно, презрительно*). Ты сегодня что-то разоткровенничалась. Тебе это совершенно не идет, если это не позерство, конечно. Будь самой собой — кривлякой. В этом, между прочим, есть своя искренность. И признайся, тебе самой так больше нравится.

Милдред (*опять манерничая, скучающим тоном*). Да, пожалуй. Прости, что сорвалась. Когда леонард жалуется на свои пятна, это, конечно, звучит диковато. (*Поддразниваяюще.*) Помурлычь, леопардик! Помурлычь, царшни лапкой, вспори, растерзай, насыться — и благоденствуй. Только сиди в джунглях, там твои пятна тебя укрывают. А в клетке ты с ними весь на виду.

Тетка. Не могу уразуметь, о чем ты толкуешь.

Милдред. Да о чем с вами толковать?! Так, языком болтаю. (*Смотрит на руку с часами.*) Слава тебе, господи, сейчас за мной придут. Предстоит очередное скандальное обследование, тетя.

Тетка (*притворно тревожась*). Но не всерьез же ты собираешься туда идти! Грязь, жарница...

Милдред. Дед начинал рабочим у домны. Мне полагается унаследовать огнеупорность, какой позавидует даже саламандра. Занятно, что это можно проверить.

Тетка. Разве не требуется разрешение капитана или еще чье-нибудь, чтобы попасть в кочегарное отделение?

Милдред (*с победной улыбкой*). Оно уже есть — и капитана, и главного механика. Сначала они не хотели давать, даже мои официальные бумаги не помогли. Им совсем не улыбалась мысль, что я намерена выяснить, как живет и трудится на их пароходе другая половина. Пришлось сказать, что мне разрешил папа, а он президент

треста «Назаретская сталь» и председатель совета директоров их паровой компании.

Тетка. Он тебе этого не разрешил.

Милдред. Какими наивными делаются люди с возрастом! А я, тетя, сказала, что разрешил. И еще сказала, что он дал мне письмо для них, но я его потеряла. Они побоялись допустить мысль, что я могу врать. *(Воздушевяясь.)* Спускайте собак! Зверь в кочегарке! Провожатым у меня будет второй механик. *(Смотрит на часы.)* Теперь уже пора. А вот, кажется, и он.

Появляется Второй механик. Это интересный мужчина лет тридцати пяти. Приблизившись к женщинам, он берет под козырек. Держится скованно, чувствует себя неловко.

Второй механик. Мисс Даглас?

Милдред. Да. *(Сбрасывает плед, встает с незлостью.)* Можно приступить?

Второй механик. Одну секундочку, мадам. Я жду четвертого механика. Он пойдет с нами.

Милдред *(с пренебрежительной улыбкой)*. Боятесь на одного себя брать ответственность?

Второй механик *(выдавливая улыбку)*. Ум хорошо, а два лучше. *(Не выдержав ее взгляда, переводит глаза на море, выпаливает.)* Сегодня прекрасный день.

Милдред. В самом деле?

Второй механик. Теплый ветерок...

Милдред. А мне прохладно.

Второй механик. На солнце совсем жарко...

Милдред. Для меня не совсем. Я не любительница природы. Я домашний зверь.

Второй механик *(выдавливая улыбку)*. Зато там, куда вы стремитесь, вам безусловно будет жарко.

Милдред. Вы хотите сказать—в аду?

Второй механик *(ошеломлен, с вынужденным смехом)*. Ха-ха. Нет. Я хочу сказать: в кочегарке.

Милдред. Мой дед работал у домны. Укроцал кипящую сталь.

Второй механик *(не в силах отвести глаз от моря, потерянно)*. Правда?.. Мм... простите, мадам, вы хотите пойти в этом платье?

Милдред. Да, а что?

Второй механик. Вы можете запачкаться маслом или грязью. Уберечься там невозможно.

Милдред. Не беда. У меня хватает белых платьев.

Второй механик. Я могу предложить свой старый плащ...

Милдред. У меня еще полсотни таких платьев. А это

я выброшу за борт, когда мы вернемся. Там-то оно отмоется, верно?

Второй механик (*упрямо*). У нас крутые трапы, и далеко не чистые, в проходах темно...

Милдред. Я останусь в этом платье—и хватит об этом.

Второй механик. Не обижайтесь. Мое дело маленькое. Я вас предостерегаю...

Милдред. Предостерегаете? Боже, как страшно.

Второй механик (*обежав глазами палубу, с облегчением*). Вон четвертый механик. Он ждет нас. Если вы изволите...

Милдред. Идите, я сейчас.

Он уходит.

(*Насмешливо улыбается тетке.*) Конечно, болван, но красив, негодяй.

Тетка (*презрительно*). Кривляка.

Милдред. Не теряйте бдительности. Слышали, он говорил про темные переходы?

Тетка (*тем же тоном*). Крипляка!

Милдред (*зло кусая губы*). Правильно, кривляка. Если бы мои миллионы не страдали худосочной скромностью!

Тетка. Вот-вот, ради оригинальничанья ты готова связать наше имя с последней грязью!

Милдред. Оно изначально с ней связано. До свидания, тетя. Не расшибите лоб, когда будете молиться, чтобы я свалилась в топку.

Тетка. Кривляка!

Милдред (*со злобой*). Старая ведьма! (*Влепляет ей пощечину и удаляется с веселым смехом.*)

Тетка (*кричит ей вслед*). Крипляка! Кривляка!

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комегарка. В глубине смутно вырисовываются тонки и паровые котлы. Единственная лампочка наверху цедит свет сквозь мглистый от угольной пыли воздух и везде, где можно, кладет тусклые тени. Против топочных дверей выстроились обнаженные до пояса люди. С остановившимся взглядом и словно сросшись с лопатой, они производят дерганье, ломанье, скользящие движения. Лопатами отворяются дверцы тонок. Темнота разевает огненные пасти, потоки слепящего света и жара ивергаются на людей, в их резко очертившихся скрюченных фигурах не остается ничего человеческого—это гориллы, скованные цепями. Коче-

гары работают в отлаженном ритме: вращаясь, как на шарнирах, черпают лопатой из кучи за спиной и забрасывают топливо в алчущее пламя. Разноголосица звуков: металлический лязг открываемых и закрываемых дверей, скрипучий скрежет трущейся стали, хруст угля. В этой оглушающей какофонии есть, однако, известная упорядоченность, рассчитанная повторяемость, есть свой ритм. А задает всему тон гул воскреслившей освобожденной энергии: в тонках ревет бушующее пламя, размеренно стучат двигатели.

Когда поднимается занавес, двери топок закрыты. У людей передышка. Двое-трое подгресбают рассыпавшийся уголь, приводят кучки в порядок. Другие бесформенной массой повисли на дровках своих лопат.

Пэдди (*неразличимый в людской цепочке, тоскливо*). Когда же она, к черту, кончится, эта вахта? Я уже разогнуться не могу. Живого места нет.

Янки (*в центре. Бурно выражая презрение*). Точно с тобой! Ложись и подыхай—кто тебе мешает? Вечное нытье! Когда такое дело делается! Для меня это как подарок, ни на что не променяю.

Сверху, из темноты, доносится свисток—топкий, пронзительный.

(*Беззлобно чертыхается.*) Механик за плетку взялся. Думает, мы тут дурака валяем.

Пэдди (*страстно*). Разрази его гром!

Янки (*с непререкаемой властностью в голосе*). Становись, ребята! За дело! Хозяйка проголодалась! Просит подкрепиться! Подкормим! Становись! Открыли!

Приняв рабочую стойку, кочегары по команде Янки с оглушительным лязгом распахивают двери своих топок. Пламенный свет обливает их плечи, когда, обернувшись, они ныряют за углем. Струйки пара чертят на закопченных спинах географические карты. Струтками света и тени выделяются напрягшиеся мышцы.

Янки (*играючи забрасывает уголь в топку, нараспев считает*). Раз—два—три! (*Победным голосом.*) Пошло дело! Не жалей добра! Поддали разом! Чтоб досыга! Чтоб разогрелась! Еще огоньку! Давай, работай! Идет, чуete? Дымит, чуete? Скорость—такой у нее характер! Подбросили угольку, ребята! Раз она непьющая! Гуляй, подруга! Смазывай пятки! Занимай дорожку! Пошла! (*Последнее слово выкрикивает, как на стадионе. Захлопывает дверь.*)

Обессилевшие товарищи подтягиваются. Клацая, один за другим слепнут огненные глазницы.

Пэдди (*со стоном*). Разогнуться не могу. Никаких сил не осталось...

Пауза. Снова из непроницаемых сфер доносится безжалостный свисток. Назревает яростный ропот, раздается брань.

Янки (*потрясая кулаком, презрительно*). Уймись, ты! Кто тут, по-твоему, главный—я или ты? Когда буду готов, тогда и будет пора. А не раньше! Когда буду готов—ты понял?

Голоса (*одобряя*). Правильно!

— Янки его учить, ей-бог!

— Янки не струхнет.

— Молодец, Янки!

— Задай ему жару!

— Скажи, чтоб не приставал, поганец!

— Погоняла чертов!

Янки (*презрительно*). У него порошу не хватит. Он трухло, понятно? Все механики трухло. Всего боятся. Черт с ним! Пора, ребята! Кончайте перекур. Становись, она нас требует! Подбросим ей силенок! Дадим прикурить механику. На что он нужен со своим свистком?! А мы—при деле. У нас дитя голодное. Становись! (*Встает лицом к тонке и распахивает дверцу.*)

За ним и другие приегают к работе. Слева, из темноты, выходят Второй и Четвертый механики, между ними Милдред. Она в ужасе, на ней нет лица, у нее подкашиваются ноги, она вся дрожит, несмотря на адскую жару, но тем не менее находит силы отделиться от механиков и подходит к кочегарам ближе. Она стоит как раз у Янки за спиной. Все это происходит быстро, никто еще не успел обернуться за углем.

Давай, ребята!

Янки уже оборачивается, когда снова раздается требовательный и тревожный свисток. Он приводит его в бешенство. Другие, повернувшись, оторопело заглядывают при виде Милдред в ее белом одеянии, а Янки ее еще не видит.

(*Задрав голову, моргая, высматривает в темноте свистуна, свирепо потрясает лопатой, по-обезьяньи молотит в грудь кулаком, вопит.*) Заткни свой свисток! Спустиись пониже, подлюга форменная, трусло белфастское! Спустиись, я тебе мозги-то вышибу! Вшивота, тварь пугливая, ублюнок католический! Спустиись, я с тобой разделаюсь! Он свистеть мне будет! Ты посвистишь! Я тебе череп сломаю! Зубы в глотку забью! Нос через затылок проведу! Кишки бесплатно выпущу, болван несчастный, тварь помоечная...

Янки только теперь замечает, что все остальные не отрываясь смотрят на что-то прямо за его спиной. С глухим кровожадным рыком, увертливо крутанувшись, он приседает, изготовясь к прыжку, ослабевший, дико посверкивающий глазами. Белым призраком предстает ему Милдред, высвеченная огнями раскрытых топок. Он встречается с ее взглядом—и окаменеет. Охваченная ужасом, обеспамятев от страха, слушала она его брань, сокрушенная, повергнутая, раздавленная чудовищным напором разнузданного озверения. Лицо этой гориллы, его сверлящий взгляд исторгают у нее глухой задушенный вопль, она шарахается прочь,

закрыв лицо руками. Не видеть этого лица! Уберечь свое! Ее движение выводит Янки из столбняка. Вяло распускаются губы, в глазах набухает недоумение.

Милдред (*подоспевшим механикам, близкая к обмороку, стеноя*). Заберите меня отсюда! Мерзкая тварь!

Милдред без чувств падает механикам на руки, они быстро уносят ее в темноту налево, к выходу. Грохает закрывшаяся стальная дверь. Янки захлестывает ярость, бессильный гнев. Он до глубины души оскорблен, хотя не понимает, в чем выразилось оскорбление. С ревом «Будь ты проклята!» швыряет им вслед лопату. Звякнув о стальную притолоку, лопата падает и дребезжит на стальном полу. Сверху снова раздается долгий, гневный, требовательный свисток.

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кубрик кочегарной бригады. Янки и его смена пришли с вахты, пообедали. Блестят надраенные лица и торсы, но у глаз, где сразу не отскрести, лежат черные круги въевшейся пыли, отчего взгляд у людей дикий, жутковатый. Янки не мылся вовсе. Сразу бросается в глаза его темная, раздумчиво застывшая фигура. Он сидит на передней скамейке — коня роденовского «Мыслителя». Попыхивая трубками, товарищи поглядывают на него со смешанным чувством: они побаиваются какой-нибудь его буйной выходки — и при этом их поселит какая-то своя мысль.

Голоса. Он совсем не ел.

— Ей-богу, парень сытый.

— Черта с два!

— У Янки печь сыта, а морда постная.

— Ха-ха!

— Он даже не умывался.

— Забыл.

— Эй, Янки, ты забыл умыться.

Янки (*угрюмо*). Ничего я не забыл! К черту мытье.

Голоса. Не отмоешься потом.

— В кожу вьестся.

— Чесотку заработаешь.

— Пятнами пойдешь, как леопард.

— Как негритос, станешь пегий.

— Лучше помойся, Янки.

— Спать будешь крепче.

— Помойся, Янки!

— Помойся! Помойся!

Янки (*негодую*). Цыц! Не дергайте меня. Не видите, я хочу думать?

Все (с издевательской насмешкой подхватывают хором). Думать!

В этом единогласии режет слух металлический призыв, словно слово исторгнуто лужеными глотками граммофонов. За выкриком следует взрыв грубого, лающего смеха.

Янки (вскочив на ноги, сверкнув глазами). Да, думать! Именно так я сказал: думать! Что странного?

Все молчат, сраженные яростью, с какой он пресекает их обычную потеху.

Голоса. Не трогайте его.

— Он переживает.

— А что, это понятно.

Пэдди (подмигнув окружающим). Я знаю, в чем дело. Это сразу видно. К нему пришла любовь, вот что.

Все (с издевательской насмешкой подхватывают хором). Любовь!

В этом единогласии режет слух металлический призыв, словно слово исторгнуто лужеными глотками граммофонов. За выкриком следует взрыв грубого, лающего смеха.

Янки (презрительно фыркнув). Любовь! Дьявольщина. Это ненависть. Ненависть пришла ко мне, понятно?

Пэдди (философски). Это мудреное дело—отличить одно от другого. (С горькой издевкой, расстраивая себя.) Ты уж мне поверь: это любовь. Что еще, кроме любви, заставит прекрасную даму, разодетую, как светлая королева, одолеть тьму-тьмущую лестниц и спуститься в кочегарку—взглянуть на наши чумазные рожи?

Вокруг поднимается негодующий ропот.

Лонг (вспрыгнув на скамейку, зажигательно). Оскорблять нас?! Оскорблять, чертова корова?! И механики туда же?! А какое у них право показывать нас, словно мартышек из бродячего зверинца? Оскорблять нашу рабочую честь! Может, мы письменно согласие давали? Может, это в договоре записано? Вроде бы этого нет в договоре! И я знаю, почему они себе это позволяют. Я спрашивал о ней палубного стюарда, он сказал. Ее папаша—миллионер, черт его дери, капиталист! Если его золотом нагрузить наш корабль, он к чертям потонет. Он парит половину всей стали! Эта чертова лохань тоже ему принадлежит. И я, и ты, товарищ,—мы его рабы. Капитан, команда, механики—тоже его рабы. А эта стерва ему дочь, и поэтому мы ее рабы тоже! Она только вякнет, что ей хочется посмотреть на трюмных крыс,—и пожалуйста, сюда ее приводят.

Окружающие разгневанно бурлят.

Янки (*растерянно моргая*). Стой. Погоди. Это правда?
Лонг. Истинная правда. Тот стюард им прислуживает, он мне все о ней рассказал. И я вас спрашиваю: что будем делать? Подождем хвосты и стершим? В договоре насчет оскорблений молчок. Это подсудное дело. На нашей стороне закон...

Янки (*с глубочайшим презрением*). Дьявольщина! Закон!

Все (*с издевательской насмешкой подхватывают хором*). Закон!

В этом единогласии режет слух металлический призыв, словно слово исторгнуто лужеными глотками граммофонов. За выкриком следует взрыв грубого, лающего смеха.

Лонг (*чувствуя, что почва уходит из-под ног, отчаянным тоном*). Мы правомочные граждане, мы можем, черт побери, заставить правительство...

Янки (*с глубочайшим презрением*). Дьявольщина! Правительство!

Все (*с издевательской насмешкой подхватывают хором*). Правительство!

В этом единогласии режет слух металлический призыв, словно слово исторгнуто лужеными глотками граммофонов. За выкриком следует взрыв грубого, лающего смеха.

Лонг (*истерически*). Мы свободны и равны перед богом!

Янки (*с глубочайшим презрением*). Дьявольщина! Бог!

Все (*с издевательской насмешкой подхватывают хором*). Бог!

В этом единогласии режет слух металлический призыв, словно слово исторгнуто лужеными глотками граммофонов. За выкриком следует взрыв грубого, лающего смеха.

Янки (*язвительно*). Все записываемся в Армию спасения!

Все. Садись! Заткнись! Дуралей! Правдолюбец!

Лонг ретируется.

Пэдди (*возвращаясь к прерванной мысли. С горечью*). И вот, значит, она стоит у нас за спиной, а Второй механик тычет пальцем и говорит, как объявляющий в цирке: «В этой клетке у нас редкие бабуины из черной Африки... Мы их жарим в собственном поту, и, знаете, кое-кому из них это нравится». (*Бросает презрительный взгляд в сторону Янки.*)

Янки (*недоуменно*). Мм?..

Пэдди. А тут Янки кулаками размахался и как раз оборачивается, чтобы шархнуть ей по башке лопатой. А

она смотрит на него... И он смотрит на нее...

Янки (*медленно*). Она была вся белая. Я подумал: привидение, право.

Пэдди (*с неприкрытым сарказмом*). Это была любовь с первого взгляда—какие, к черту, сомнения! Вы бы видели этот манящий взгляд на ее бледной морде, когда она шарахнулась назад, да еще руками закрылась, чтобы его взгляда тоже не видеть! словно перед ней была громадная косматая обезьяна из зоопарка, честное слово!

Янки (*больно задетый, с яростью*). А-а!

Пэдди. А с какой любовью Янки запустил в нее лопатой! Жаль, увернулась за дверь. (*На его лицо набегает ухмылка.*) Вот что значит: милые бранятся! Сразу «родимым домом»¹ запахло в кочегарке!

Все раздражаются хохотом.

Янки (*с угрозой взглянув на Пэдди*). Слушай, кончай это!

Пэдди (*не обращая на него внимания*). А как она ко Второму под крылышко бросилась! (*Писклявым, якобы женским голосом.*) Поцелуй меня, дорогой механик, здесь так темно, а папочка ушел на Уолл-стрит делать деньги! Обними покрепче, я так боюсь темноты, а мамочка осталась на палубе строить глазки капитану!

Новый взрыв смеха.

Янки (*с откровенной угрозой*). Ты чего добиваешься, старый певун? Насмешки строишь?

Пэдди. Какие, к черту, насмешки! Разве я не жалею, что ты ее не прихлопнул?

Янки (*свирепо*). И прихлопну! Увидишь! (*Подходит к Пэдди ближе, с трудом.*) Слушай, она в самом деле так сказала—косматая обезьяна?

Пэдди. Словами—нет: она так поглядела.

Янки (*зловеще ухмыльнувшись*). Косматая обезьяна, значит? Верно, так она и глядела. Косматая обезьяна. Это я—косматая обезьяна?! (*Взрываясь, точно Милдред еще стоит перед ним.*) Глиста гуляющая! Немочь бледная! Я тебе покажу, кто из нас обезьяна! (*Потерянно объясняет своим.*) Я орал на механика, что он нам свистит,—вы слышали, а потом вижу: вы на что-то смотрите, и я подумал, что он по-тихому спустился и подкрался, и развернулся шарахнуть его лопатой. А тут она стоит, светится. Мать честная! У меня ноги подкосились—так струхнул. Я подумал, она—привидение. Вся в белом, как

¹ Аллюзия на патристическую песню «Дом, родимый дом».—Здесь и далее примечания переводчиков.

покойница, сами видели. Кто не испугается! Главное, она здесь ни к чему. А когда я очухался и разглядел, что она обыкновенная баба и еще смотрит на меня, как Пэдди объяснил,—ну, тут я взъярился. Я таких дел никому не прощаю. И запустил в нее лопатой, только она удрала. *(Взбешенный.)* Жаль, не попал! Жаль, не снес ей башку.

Лонг. Чтобы попасть на виселицу или на электрический стул? Из-за дерьма.

Янки. Плевать мне на это! Зато расквитался бы. Думаешь, я дам ей взять верх? Прощу ей такое дело? Ты меня не знаешь. Надо мной еще никто не брал верх, и никому я не спускал такого—ни мужику, ни бабе! Я с пей посчитаюсь! Вот спустится еще разок...

Голос. Не надейся, Янки. Ты ее так напугал, что она год расти не будет.

Янки. Я напугал? С какой стати? Кто она такая, дьявол ее возьми? Из другого теста, что ли? Косматая обезьяна—пшь ты! *(С прежней уверенностью в себе.)* Я ей покажу, кто важнее, если сама не поняла. Я—нужен, а от нее нет проку. Я встал и пошел, а она—мертвая. Двадцать пять узлов в час—вот как пошел! И ее на себе тащу. Она просто груз, багаж. *(Снова в растерянности.)* А смешной у нее был вид, ей-богу. Вы руки разглядели? Белые, худущие. Косточки видно. И рожа белая, как у покойницы. И глаза—такие, будто увидели привидение. А они меня увидели! Косматую обезьяну. Ничего себе—привидение! Посмотрите-ка на эту руку. *(Выбрасывает правую руку, сгибает в локте, показывая огромный бицепс.)* Если ее этим ткнуть, если даже одним мизинцем ткнуть, она пополам сломается. *(Снова растерян.)* Слушайте, откуда такие бабы берутся? Кто они такие? Где их делают? Кто ее научил—так глядеть на меня? Я от этого как дурной. Понять ее не могу. Не знал таких раньше. На что они пужны? От нее же никакого проку, правда! Ее как нет. *(Закрывая гневом.)* Одно я знаю твердо: я с ней расквитаюсь. Она небось думает... она—что думает, что крутит шарманку, а я рядом сижу на цепке? Я ей покажу ее место! Пусть только спустится—я ее в тонку суну! Сразу оживет! Сразу дрожать перестанет! И машине польза. При деле будет! *(Зловеще улыбается.)*

Пэдди. Не придет она сюда больше. Ты ей отбил охоту. Ее сейчас, наверно, десять врачей с няньками отпаивают.

Янки *(в ярости)*. Ты тоже думаешь, что я виноват? Что на меня вредно смотреть? Что я—косматая обезьяна? *(Взрываясь.)* Я с ней посчитаюсь! Я ее научу! Пусть на четвереньках приползет и возьмет свои слова обратно, а нет—голову отверну! *(Грозит кулаком, другой рукой бьет*

себя в грудь.) Я тебя отыщу! Ты слышишь? Я с тобой носчитаюсь, будь ты проклята! *(Бежит к двери.)*

Голоса. Останови его!

— Его пристрелят!

— Он ее убьет!

— Дай ему подножку!

— Держи его!

— Совсем с ума сошел!

— Сильный какой, ей-бог!

— Вали его!

— Брыкается!

— Руки держи!

Все набрасываются на него и после яростной возни, одолев числом, скидывают перед дверью.

Пэдди *(не принимавший в этом участия)*. Придержите его, пока не остынет. *(Презрительно.)* Эх, Янки, какой же ты дурак! Разве можно так беситься из-за квелой скотинки, в которой нет капли живой крови?

Янки *(из-под навалившихся на него товарищей, яростно)*. Она мне в душу наплевала! В душу! Я расквитаться! Я ее достану! Слезьте с меня, ребята! Дайте встать! Я ей покажу, кто — обезьяна!

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Спустя три недели. Угол Пятой авеню, прекрасное солнечное утро. Общее впечатление: чистая, прибранная широкая улица; мягкий, рассеянный солнечный свет; легкий, деликатный восток. На заднем плане витрины двух магазинов — ювелирного (он на углу) и рядом с ним мехового. Роскошь выставлена напоказ, дразняще. Ювелирная витрина вся сверкает бриллиантами, изумрудами, рубинами и жемчугами на диадемах, гребнях, колье, ожерельях и тому подобном. С каждой вещи свисает огромный ярлык, на котором мигающими электрическими лампочками выложена немыслимая цена. Такая же картина в меховой витрине. Роскошные меха всех мастей и оттенков залиты искусственным светом. Великолепие, опошленное торгашеством, — таков этот фон, составляющий резкий контраст добросовестному свету и солнцу, заливающим улицу.

Из боковой улицы разухабистой походкой выходят Янки и Лонг. Лонг одет в выходной костюм, на шее черный галстук, на голове шерстяная кепка. Янки в замызганной прозодежде. Кочегарская фуражка с черным козырьком залихватски сдвинута набекрень. Он давно не брился, вокруг яростно горящих глаз очковые пятна угольной пыли, и такие же у Лонга, только чуть светлее. В нерешительности останавливаются на углу, с демонстративной неприязнью оглядываясь по сторонам.

Лонг *(выбрасывая руку жестом оратора)*. Вот она:

Пятая авеню! Их частный проспект, так сказать. (С горечью.) Мы с тобой тут посторонние. Пролетарии, сойдите с газона!

Янки (взяло соображая). С какого газона, дурень? (Смотрит под ноги.) Как чисто. Хоть яичницу жарь. Пыльная работка у их подметальщиков. (Окинув взглядом авеню, сварливо.) Ну, где твои начальники, где ее подружки?

Лонг. В церкви, разрази их гром! Просят Иисуса подбросить им денюжат.

Янки. В церкви, говоришь? Было дело, заходил, когда был сопливый. Папаша с мамашей велели. Сами-то не ходили. Они в воскресенье утром всегда с похмелья умирали. (Ухмыльнувшись.) Любили бесплатно подрататься. В субботу вечером наберутся—и пошла потеха, хоть в парке их показывай. Пока все столы и стулья не переломают, до тех пор не успокоятся. А то на меня накинута. Свои подзатыльники я получил сполна. (С усмешкой, рисуясь.) И сам пошел в отца с матерью.

Лонг. Он был моряк, твой отец?

Янки. Нет. Он работал на берегу. Я сбежал из дому, когда мамаша окочурилась от белой горячки. Работал грузчиком, возил овощи на рынок. Потом ушел в море кочегаром. Это стоящее дело. Остальное все—мура. (Оглядывается.) Никогда здесь не был. Я вырос в Бруклине, у воды. (Глубоко дышит.) А что, здесь неплохо.

Лонг. Неплохо? Еще бы, это оплачено нашим потом.

Янки (брезгливо передернувшись). Дьявольщина! Не вижу я ее подружек. Мне тут надоело. Слушай, а тут забегаловки имеются? Пойдем, хлопнем по одной. А то сплошная тишь да гладь. Надоело.

Лонг. Надо подождать, если хочешь увидеть, как...

Янки. Не буду я никого ждать. Я уйду. Ты зачем меня вообще притащил сюда? Дурака валяешь, болван?

Лонг. Ты хочешь до нее добраться, правильно? После того как она тебя оскорбила, ты твердишь об этом не переставая.

Янки (с жаром). Да, хочу! Разве я не пыгался расквитаться с ней в Саутгемптоне? Пробрался на палубу, притаился у сходней. Хотел плюнуть ей в морду. В пучеглазую ее морду. И были бы квиты. Сорвался! Там толкалась целая армия сыщиков. Заметили меня и погнали. И я ее не увидел. Ну ничего, я с ней еще посчитаюсь, увидишь! (В ярости.) Вшивая шлюха! Думает, ей все можно, только не на того напала! Я ей покажу ее место! Я такое придумаю!

Лонг (презрительно, но не слишком зарываясь). Для

этого я тебя сюда и привел: чтобы ты не ломал голову—все до тебя придумано. Ты неправильно отнесся к этой истории. Ты себя ведешь так, как будто это личное дело, между тобой и той телкой. А я хочу тебе внушить, что она всего-навсего представительница своего класса. Я хочу пробудить в тебе классовое сознание, черт тебя побори. Чтобы ты понял: бороться надо с ее классом, а не с ней. Там тысячи таких, как она!

Янки (*поплевав на ладони, с воинственным видом*). Чем больше, тем лучше—только бы начать! Где эта банда?

Лонг. Начнут расходиться из церкви—всех увидишь. (*Оглядевшись, видит магазинные витрины.*) Вот это да! Ты только погляди! (*Подходят к ювелирной витрине. Гневно вскипает.*) Ты полюбуйся на эту барахолку! А цены-то, а? Мы за десять рейсов да всей командой столько не заработаем в нашем аду! А они—твоя то есть и ее чертов класс,—они это покупают для развлечения! Да за одну такую штучку можно год кормить семью!

Янки. Не распускай слюни! Голодающая семья! Ты еще шляпу мне протяни! (*Наивно восхищаясь.*) Слушай, красивые вещицы! За них, наверно, кучу денег дадут в закладе. (*Отворачивается, заскучав.*) К черту, какой в них прок? Пускай она это носит. Этот мусор как раз для нее. (*Решительным жестом отмахивается от витрины.*) Не имеет значения!

Лонг (*перейдя к витрине мехов, возмущенно*). Это, конечно, тоже не имеет значения: перестрелять безобидных зверей, чтобы у ней и ее класса не мерзли носы!

Янки (*вглядевшись, оживляется*). Глянь, глянь! Смотри-ка! Обезьяний мех, две тысячи монет! (*Растерянно.*) Неужели правда—обезьяний мех? Ах ты, черт!..

Лонг (*с горечью*). Конечно, правда. (*Мрачно шутит.*) За шкуру косматой обезьяны они таких денег не выложат, и даже за живую обезьяну с головой, телом и бессмертной душой.

Янки (*сжимая кулаки, бледный от гнева, словно шкура на витрине задумана как личное оскорбление ему*). В морду мне ткнули! Черт! Она у меня получит!

Лонг (*возбужденно*). Служба кончилась. Идут, мерзавцы. (*Увидев несчастное лицо Янки, обеспокоенно сбавляет тон.*) Спокойно, товарищ. Держи себя в руках. Запомни: сила сама себя губит. Это не наше оружие. Свои права мы должны отстаивать мирным путем: у боевого пролетариата есть право голоса.

Янки (*с глубочайшим презрением*). Право голоса! Дьявольщина. Комедия это право. Избирательное право женщинам! Ах-ах! Вот пускай они и голосят!

Лонг (*сильно беспокоясь за него*). Тихо, тихо. Окати их холодным презрением. Запоминай паразитов, только не пори горячку.

Янки (*раздражаясь*). Отстань! Трусло. Я — за силу!

Справа неспешным, журавлиным шагом выходят прихожане с напряженно застывшими, неврашающимися головами и тусклыми, глухими голосами. Женщины нарумянены, набелены, с крапеными волосами, разодеты в пух и прах. На мужчинах фракы, цилиндры, гетры, в руках тросточки и так далее. Вроде бы пестрая вереница марионеток, но в обособленности, автоматизме и испропщасности каждой фигуры проглядывает неумолимая хватка демона Франкенштейна¹.

Голоса. Какой душка доктор Каиафа!

— О чем была проповедь? Я продремал.

— О радикалах, дорогой, и о ложных учениях, получивших распространение.

— Нужно организовать беспронгрывшную лотерею.

— И чтобы каждый отчислил один процент с подоходного налога.

— Блестящая мысль!

— На выручку можно обновить завесу храма.

— Сколько раз уже обновляли.

Янки по очереди всматривается в лица, презрительно фыркает. Они даже не видят его, далеко обходя пятак в центре мостовой, где он стоит.

Лонг (*испуганно*). Уймись, я тебе говорю!

Янки (*злобно*). Пошел отсюда! Учи дураков! (*Отходит вразвалку, умышленно толкает джентльмена в цилиндре и зверски выставляет на него.*) Ты! Куда прешь? Сначала купи эту улицу!

Джентльмен (*холодно и церемонно*). Прошу прощения. (*Не видя Янки, даже не взглянув на него, уходит, оставив того в полной растерянности.*)

Лонг (*подбежав, хватая Янки за руку*). Слушай! Пошли отсюда! Я не так хотел! Ты донграешься!

Янки (*в ярости отталкивает его*).

Тот валится наземь.

Пошел отсюда!

Лонг (*поднимаясь, истерическим голосом*). Я ухожу! Я не так хотел! За последствия не отвечаю! (*Убегает налево.*)

Янки. И черт с тобой! (*С недоброй улыбкой подходит к даме, развязно подмигивает.*) Хэлло, детка! Как дела-делишки? Вечерок не занят? Я знаю один котел в порту, можем там погреться.

Дама шествует мимо, не удостоив его взглядом и не замедлив шага.

¹ Монстр в облике человека из романа «Франкенштейн, или Новый Прометей» английской писательницы Мэри Шелли (1797—1851).

(Присплет к другим.) Батюшки, какая рожа! Закройся, пока лошади не испугались! А эта, гляньте на эту! Вылитая баржа! Намазалась-то, нанудрилась! Расфуфырилась! Таких только на кладбище тащить! А-а, идите вы все и пекло! Видеть вас не могу! Нет вам тут места! Поглядите на меня! Что вы не смотрите? Я—на своем месте! *(Указывая на строящийся в конце улицы небоскреб, с гордостью в голосе.)* Видите, небоскреб растет вверх? Видите, как сталь работает? Сталь—это я! Вы с нею живете и думаете, что вы главные. А я—в ней самой, поняли? Я вон тот подъемник, который строит дом. Во мне начало и конец всему. Я сталь, пар, дым и все прочее! Вон как движется—двадцать пять этажей!—и я в них сверху и снизу. А вы какое имеете отношение?! Куклы. Если я заведу вас, то запрыгаете. Вы мусор, отбросы, шлак, который мы сваливаем за борт. Может, чего сказать хотите?

Они не видят его и не слышат, и это бесит его.

Свиньи! Шлюхи! Суки! *(Набрасывается на мужчин, злобно толкается, не причиняя им ни малейшего вреда. Скорее, себе набивает шишки. Рычит не умолкая.)* Пошел отсюда! Проваливай! Ты куда прешь? Катись! Что же вы не деретесь? Руки отсохли? Не поджимай хвост! Дерись, не то задаром укукошу!

Но все, так же не видя его, макиально, церемонно ему говорят: «Прошу прощения». Вдруг вскрикивает Дама, и все гургом трусят к меховой витрине.

Дама *(задыхаясь от восторга)*. Обезьяний мех!

С приторной восторженностью мужчинам и женщины подхватывают хором: «Обезьяний мех!»

Янки *(резко, как от пощечины, вздернув голову)*. Вот ты где! Вся белая! Теперь я тебя вижу, тварь беломордая! Косматая обезьяна, говоришь? Сейчас я тебе покажу косматую обезьяну! *(Приседает, вытаскивает вывернутый бордюрный камень. Потерпев неудачу, стеная, перебегает к фонарному столбу на углу, вцепляется в него.)*

Слышно рычание автобуса. Из боковой улицы выбегает толстяк в цилиндре и в тетрах, жалобно вопящий: «Автобус! Автобус!» Он с разбегу налетает на скрючившегося Янки и валит его на землю.

Янки *(предвкушая драку, с радостным воплем вскакивает на ноги)*. Наконец-то! Автобус, говоришь? Поезжай! *(Разворачивается всем корпусом и отвечает толстяку полновесную оплеуху.)*

Тот продолжает стоять как ни в чем не бывало.

Толстяк. Прощу прощения. (*Раздражаясь.*) Из-за вас я пропустил автобус! (*Хлопая в ладоши, кричит.*) Полиция! Полиция!

В ту же минуту пронзительно заливаются полицейские свистки, и на Янки набегает целый отряд. Он затекает драку, и его забивают дубинками. Толпа у витрины остается в стороне от этого беспорядка — и в неведении о нем. Визгливо названивая, оглушительно громокая, к месту спешит тюремная машина.

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Ночью на следующие сутки. Тюремный коридор на Блэкуэллс-Айленд. Он делит сцену по диагонали справа налево. У коридора нет конца: левый край просто пропадает в темноте, и кажется, что камеры уходят в бесконечность. С низкого потолка узкого коридора свисает электрическая лампочка, сквозь толстые прутья решетки она струит свет в первую справа камеру. На краешке койки в позе роденовского «Мыслителя» сидит Янки. Лицо в черных и сизых кровоподтеках. Голова повязана бинтом в кровавых пятнах.

Янки (*вскинувшись, как спросонья, подходит к решетке, трогает прутья, поражаясь, говорит сам с собой*). Сталь. Зоопарк, что ли?

Взрыв грубого, лающего смеха поднимается из камер с невидимыми заключенными, раскатывается по коридору и резко обрывается.

Голоса (*насмешливо*). Зоопарк? Это он про нашу каталажку? Хорошо сказано!

— Сталь? Умница, разглядел, а того не видит, что это каменный мешок.

— Какой болван там разорется?

— Тот малый, которого принесли без памяти. Гады его хорошо отделали.

Янки (*вяло*). Стало быть, приснилось. Показалось, будто я в звериной клетке. А ведь обезьяны не говорят.

Голоса (*насмешливо, с хохотком*). Успокойся: ты в клетке.

— В каталажке!

— В кутузке!

— В норе!

— В конуре!

Хохот — и опять тихо.

— Слушай, парень, ты кто? Соврешь — не обидимся. Ты чем занимаешься?

— Во-во, расскажи свою печальную историю. Ты чем промышляешь?

— На чем ты погорел?

Янки (*вяло*). Я был кочегаром на лайнерах. (*В приступе ярости трясет решетку.*) Я — косматая обезьяна, понятно? Кончайте надо мной смеяться, не то всем скулы посворачиваю!

Голоса. Ого! Серьезный парень.

— Не плюйся — обожжешь!

Смех.

— Хватит, ребята. Он — свой. Верно, парень?

— Он сказал — он кто, обезьяна?

Янки (*с вызовом*). Обезьяна! Как вы!

Молчание. Затем коридор оглашается грохотом сотрясаемых решеток.

Голос (*накаленный яростью*). Ты мне ответишь за обезьяну, болван!

Голоса. Шш! Цыц!

— Тихо!

— Piano!

— Надзиратель придет!

Янки (*презрительно*). Ха, надзиратель! Может, смотритель?

Из камер несутся негодующие вопли.

Голос (*умиротворяюще*). Не обращайтесь на него внимания. У него с черепушкой плохо после битья. Слушай, парень, так за что тебя сцапали? Или ты не хочешь говорить?

Янки. Почему, я скажу. Только вы все равно не поймете. Меня никто не понимает. Я стал объяснять судье, а он мне сразу: «Месяц на раздумье!» А я уж сколько недель раздумываю! (*Помолчав.*) Я хотел поквитаться кое с кем... за обиду.

Голоса (*цинично*). Известная история. Девка?

— С другим спугалась?

— Они все такие!

— Ты кому-то набил морду?

Янки (*с отвращением*). Да нет, у меня не то. Баба замешана, это верно, только не такая, не из таких. Это какая-то особенная баба. Она, понимаешь, разodelась в белос — и в кочегарку. Я думал, она — привидение, правда.

Пауза.

Голоса (*шепотом*). Ну и ну, никак не оклемаются.

— Пускай несет чушь. Занятно.

Янки (*весь уйдя в свои мысли*). Руки у нее... худущие,

белые, словно не настоящие, а нарисованные. Ей до меня миллион миль, а я делаю свои двадцать пять узлов. Дохлятина, кошке на обед. С ней нечего возиться. Ее место — в витрине игрушечной лавки или на люке мусорного ящика. Точно! (*Взрывается.*) И вы не поверите: такая плюнула мне в душу! Выставилась на меня, словно я сбежал из зверинца. Вы бы видели ее глаза! (*Истуклено колотит по прутьям решетки.*) Но я до нее доберусь, увидите! А если не с самой, то разберусь с ее компанией. Я знаю, где они ошиваются. Я ей покажу, кто главнее! Помните мои слова!

Голоса (*одни с пониманием, другие глумятся*). Серьезное дело.

— Чего разбираться? Бери, какая есть.

— А кто она была, эта дама? Имя у нее есть?

Янки. Не знаю, кто она и что. Первым классом ездит. Ее папаша, говорят, миллионер Даглас.

Голоса. Даглас? Так это, наверно, президент Стального треста?

— Точно. Я видел его морду в газетах.

— Он по уши сидит в деньгах.

Голос. Эй, парень, я тебе дам совет! Если ты хочешь оплатить этой даме, тебе надо вступить в ИРМ. Там тебя научат.

Янки. А что это?

Голос. Никогда не слышал про ИРМ?

Янки. Нет. Что это?

Голос. Отчаянные ребята. Я как раз сегодня про них читал — надзиратель дал мне «Санди таймс». Большая статья. Куски из речи в сенате какого-то сенатора Куина. (*Собеседник, ближайший сосед Янки, шепчет газетой.*) Погоди, если хватит света, я тебе прочту. Слушай. (*Читает.*) «В стране зреет угроза самим основам нашей прекрасной республики, самому существованию американского орла, угроза столь же гнусная, сколь гнусным был заговор Катилины против орлов Древнего Рима!»

Голос (*с отвращением*). А, черт! Пусть для сохранности засолит хвост этого орла!

Голос (*читает*). «Я имею в виду дьявольское отродье негодяев, рецидивистов, убийц и головорезов, которые бросили пятно на всех честных рабочих, назвав себя Индустриальными Рабочими Мира. Я же, видя их грязные замыслы, называю их Истинными Разрушителями Мира!»

Янки (*злобно радуясь*). А! Разрушители! Это важно. Так и надо. Это по мне.

Голос. Шш! (*Читает.*) «Эта злодейская организация, словно язва, разъедает здоровую плоть нашей демократии...»

Голос. К черту про демократию! Освищем сенатора, ребята!

Освищаются.

Голос. Шш! (*Читает.*) «Подобно Катону, я говорю сенату: ИРМ должен быть разрушен! Ибо это кинжал, ныне и присно наставленный к сердцу величайшей в истории нации, где люди рождаются свободными и равными, где перед всеми открыты равные возможности, где отцы-основатели обеспечили всем и каждому счастье, где Истина, Честь, Свобода, Справедливость и Братство людей суть религия, впитанная с молоком матери и упроченная наставлениями отца, скрепленная печатью, подписанная и записанная в славной конституции наших Соединенных Штатов!»

Невообразимый кошачий концерт, грубый хохот.

Голоса (*презрительно*). Да здравствует Четвертое июля!

- Шапка по кругу!
- Свобода!
- Справедливость!
- Честь!
- Равные возможности!
- Братство!

Все (*с глубочайшим презрением*). К чертям!

Голос. Побрешем с сенатором Куинном! Все вместе: раз, два, три!

Громогласный брех и визги.

Надзиратель (*издали*). Ну-ка потише! Пожарной книжки захотелось?

Шум стихает.

Янки (*закриная яростью*). Попался бы мне этот сенатор наедине! Я бы его в минуту просветил!

Голос. Шш! Тут он опять кроет ИРМ: «Они держат в одной руке факел, в другой— динамит. Для достижения своих целей они не остановятся ни перед убийством, ни перед насилием над женской беззащитностью. Они до основания развалят общество, возвысят подонков, извратят божественный промысел и на месте сладостной и радостной цивилизации учредят бойню, пустыню, в коей человек, венец творения, скоро одичает и станет обезьяной».

Голос. Эй, парень! Слышал? Этот тоже дразнится.

Янки (*закриная гневом*). Не глухой. Значит, взрывают

до основания? Все обратно поворачивают? Слушай, дай мне эту газету.

Голос. Дай ему. Только—слышишь?—читай ее один. Нам этой мути больше не нужно.

Голос. Возьми. Спрячь под матрац.

Янки (*протягивая руку*). Спасибо. Читаю я плохо, но как-нибудь разберусь. (*Садится с газетой в руке и застывает в позе роденовского «Мыслителя».*)

Пауза. В камерах уже раздастся храп.

(*Вдруг с мучительным стоном, словно пронзенный страшной мыслью, вскакивает на ноги.*) Ясно... ее палаша... президент Стального треста... делает половину всей стали... а я-го: мое дело... идем напролом, движемся... а выходит... это была клетка, она подошла и плюнула! (*Трясет прутья решетки так, что дребезжит весь тюремный коридор.*)

Разбуженные и пытающиеся заснуть издают недовольные и остерегающие восклицания.

Это он ее сделал, эту клетку! Сталь, она всему делу помеха! Клетки, камеры, замки, прутья—вог что такое сталь! Чтобы я внизу, а он сверху! Ничего, я это поломаю. Огонь плавит сталь. Буду огнем в стальном костре! Негасимым! Адским! Ночным! (*Все это время, вторя словам, трясет дверцу в стене-решетке. При слове «ночным» хватается за стальной прут обеими руками, ногами упирается в другой, расклинивается по-обезьяньи параллельно полу и делает сильный рывок назад. Прут изгибается, как былинка.*)

В эту минуту, волоча пожарную кишку, подбегает Надзиратель.

Надзиратель (*свирепо*). Будешь знать, как будить меня по ночам! (*Видит Янки.*) Эй, это ты, что ли? У тебя что, белая горячка? Сейчас вылечу! Сейчас разгоню твоих чертей. (*Замечает прут.*) Вы поглядите, как он погнул прут! Вот у психов дурная сила!

Янки (*не сводя с него глаз*). И еще у косматых обезьян, воночье трусло. Берегись! Сейчас поговорим! (*Хватается за новый прут.*)

Надзиратель (*стрихнув, кричит налево*). Давай воду, Бен! На полную! Зови других! Смирительную рубашку несите!

Идет занавес. Когда он скрывает Янки, слышатся плещущие удары: струя воды хлещет в стальную камеру Янки.

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Около месяца спустя. Местное отделение ИРМ в приморском квартале города, внутренний вид комнаты на первом этаже, снаружи — улица. Ужасная улица освещена луной, в тени дома сливаются в сплошную массу. Атмосфера комнаты, служащей местом для собраний, конторкой и читальней, такая же скучная, как в каком-нибудь провинциальном клубе. В углу конторка и высокий табурет. В центре стол, стулья вокруг него, на столе бумаги, пачки брошюр. Во всем намеренная неприязательность, невыразительность, обыденность, отсутствие загадочности: комната как комната. Взгромоздившись на табурет, Секретарь делает записи в большом гроссбухе. Козырек отбрасывает тень на его лицо. У стола расположились портовые грузчики, фабричные рабочие и прочая братия — всего человек восемь-десять. Двое играют в шашки. Один пишет письмо. Почти все дымят трубками. На задней стене вывеска: «Индустриальные Рабочие Мира. Отделение 57».

По улице идет Янки. Одет он так же, как в картине пятой. Он идет настороженно, крадучись. Останавливается против двери, на цыпочках приближается к ней, прислушивается, завороженный тишиной в доме, и осторожно, словно подстраиваясь под некий условный знак, стучит. Прислушивается. Ответа нет. Стучит громче. Ответа нет. Стучит уже нетерпеливо и громко.

Секретарь (*крутнувшись на табурете*). Что за дьявольщина! Кто-то стучит? (*Кричит.*) Да входите же!

Присутствующие поджимают головы. Янки медленно, осторожно отворяет дверь, словно боясь засады. Он ищет глазами потайные ходы, предвкушает тайну — и огорочен заурядностью комнаты и ее обитателей, ему кажется, что он ошибся местом, но тут он замечает вывеску на стене и успокаивается.

Янки (*отрывисто*). Здорово!

Присутствующие (*сдержанно*). Здравствуй.

Янки (*осваиваясь*). Думал, не в ту нору сунулся.

Секретарь (*внимательно разглядывая его*). Может, и не в ту. Вы — член?

Янки. Нет. Еще нет. Я для этого пришел, чтобы вступить.

Секретарь. Это просто. Вы кем работаете — грузчиком?

Янки. Нет. Кочегаром. На лайнерах.

Секретарь (*удовлетворенно*). Добро пожаловать в наш город. Радостно сознавать, что и вы наконец пробуждаетесь. Среди наших членов не так уж много вашего брата.

Янки. Точно. Все в спячке.

Секретарь. Вот и помогите их разбудить. Как вас зовут? Я заполню на вас карточку.

Янки (*смешавшись*). Как зовут? Сейчас.

Секретарь (*резко*). Вы что, собственного имени не знаете?

Янки. Знаю, только я привык: Янки да Янки... А так я — Боб. Боб Смит.

Секретарь (*записывает*). Роберт Смит. (*Заполняет всю карточку.*) Пожалуйста. С вас полдоллара.

Янки. Всего полтинник? Это можно. (*Передает Секретарю деньги.*)

Секретарь (*бросая их в ящик*). Благодарю. Располагайтесь как дома. Знакомьтесь с другими необязательно. На столе литература. Несколько брошюр прихватите с собой и раздайте на пароходе. Может, это принесет плоды. Разбрасывайте семена, только делайте это с умом. Чтобы не поймали и не уволили. Безработных много, а нам нужно, чтобы у людей была работа и чтобы они еще работали для нас.

Янки. Ясно. (*По-прежнему не двигается с места, чувствует себя скованно.*)

Секретарь (*не сводя с него глаз, с живым интересом*). А почему вы стучали? Думали, мы держим швейцара-негра?

Янки. Нет. Я думал, у вас закрыто и вы сначала поглядите на меня через глазок или еще как, чтобы не дать маху.

Секретарь (*за смехом скрывая встревоженность*). Думали, мы в кости тут играем? У нас дверь никогда не запирается. С чего вы взяли?

Янки (*понимающе улыбается, уверенный, что это уловки, конспирация*). А легавые?

Секретарь (*резко*). А что нам полиция? Мы не нарушаем законы.

Янки (*понимающе подмигивает*). Ясно. Кто-кто, а вы — нет. Ясно. Смекаю.

Секретарь. Что вы там смекаете, нам неведомо.

Янки (*снова подмигивает*). Ладно, замнем. (*Общая подозрительность начинает раздражать его.*) Слушайте, хватит! Вы мне еще допрос устройте! Неужели непонятно, что я — свой? Что я — ваш? Что я — с вами? Я за вас в огонь и в воду. Для этого и пришел записаться.

Секретарь (*подыгрывая ему*). Похвальное чувство. Только вы действительно отдаете себе отчет в том, куда пришли? У нас все честно и открыто, но еще находятся люди, которые заблуждаются на наш счет. (*Резко.*) Какие цели, по-вашему, преследует ИРМ?

Янки. Знаю я все это, знаю.

Секретарь (*саркастически*). Так поделитесь вашими драгоценными знаниями.

Янки (*находчиво*). Я знаю достаточно, чтобы помалкивать. (*Снова возмущаясь.*) Слушайте, я — свой. Я ваши фокусы разгадал. С посторонними нужно быть начеку, я понимаю. Но меня-то вы за кого принимаете — за переодетого сыщика, что ли? Выбросьте это из головы. Я — свой,

понятно? Любого спросите в порту.

Секретарь. А кто в этом сомневается?

Янки. Откроете свои секреты — тогда и я вам докажу.

Секретарь (*изумленно*). Что нам открывать? Нет у нас секретов!

Янки (*разочарованно*). Как, никакого пароля или там особого приветствия?

Секретарь. Где вы, по-вашему, находитесь? У «Лосей»? В «Черной руке»?

Янки. Будто я не знаю «Лосей»! Или косоглазую шпалу из «Черной руки». У вас вроде настоящие мужики подобралась.

Секретарь. Вот именно. Поэтому мы ни от кого не прячемся. У нас секретов нет.

Янки (*недоверчиво и восторженно*). Вы то есть всегда действуете в открытую, как сейчас?

Секретарь. Конечно.

Янки. Отчаянные вы люди!

Секретарь (*резко*). Что вас привело к нам? Выкладывайте начистоту.

Янки. Значит, берете к себе? Я тоже человек отчаянный. Вот вам моя рука. Вы готовите большую заваруху, верно? Это по мне. Я — с вами.

Секретарь (*с напускным равнодушием*). Что вы имеете в виду: устранить общественное неравенство законными прямыми действиями — или динамитом?

Янки. Динамитом! Смести все начисто — сталь, клетки, заводы, пароходы, дома, тюрьмы, Стальной трест со всем хозяйством.

Секретарь. Такая, значит, у вас программа. Какого же рода услуги вы намерены предложить нам? (*Делает знак своим.*)

Те по одному поднимаются из-за стола и встают за спиной у Янки.

Янки (*решительно*). Сейчас скажу. Увидите, что не зря взяли. Есть такой миллионер — Даглас...

Секретарь. Президент Стального треста? Вы хотите его убить?

Янки. Нет, что вам это даст? Я хочу взорвать завод, фабрику, где он делает сталь. Хочу запулить на луну всю сталь, сколько ее есть на земле. И будет порядок. (*Запальчиво.*) Я все сам сделаю, один. Я вам докажу. Только научите, где его завод, как туда добраться и какие там хитрости. А дальше я сам управлюсь. Я им дам прикурить, увидите! Плевать, если они меня сцапают, дело-то будет сделано! Пусть пожизненный срок мотают — я им в морды ихние рассмеюсь! (*В сторону.*) А сей напишу, что косматая обезьяна с ней расквиталась.

Секретарь *(отходя от Янки)*. Очень интересно.

Секретарь подает знак. Мужчины—все как на подбор здоровяки—набрасываются на Янки и, не дав ему опомниться, связывают ему руки и ноги. Впрочем, он настолько потрясен, что не оказывает сопротивления. Его обыскивают.

Мужчина. Пушки нет, ножа тоже. Потолковать с ним хочется—аж руки чешутся.

Секретарь. Не надо. Еще иметь из-за него неприятности! Из-за такого болвана. *(Подходит к Янки, издевательски хохочет.)* Ха-ха! Молодцы, потешили. Кто тебя послал, артист? Бернс? Пинкертон? Хотя—вряд ли, таких дураков берут только в полицию. Грязная ищейка, гнусный провокатор, ступай к той сволочи, которому ты продал своих братьев, и скажи, что он без толку выбрасывает свои кровавые деньги. У нас тебе не грозила даже простуда. И еще скажи: он найдет у нас только такой уголовный материал, который сам подбросит. В нашем манифесте о нас сказано исчерпывающе, мы пошлем ему экземпляр, если попросит. А с тобой... *(Брезгливо оглядывает Янки, внашившего в прострацию.)* Э-э, с тобой говорить не о чем. Безмозглая обезьяна.

Янки *(яростно забившись в пуха)*. Повтори это слово, сволочь!

Секретарь. Выбрасывайте его, ребята.

Несмотря на сопротивление, с ним управляют ловко и быстро. Несколько тумачов на прощанье, и выставленный Янки растягивается на булыжной мостовой. Глухо рыча, он подается в сторону закрывшейся двери—и застывает, запутавшись в собственных мыслях, до отчаяния беспомощный. Он сидит в раздумье, напоминающая родеоновского «Мыслителя»—насколько это возможно в его позе.

Янки *(горько)*. И эти парни не признают меня. Ну и черт с ними! Тоже не делом занимаются, слюнтяи, как будто мало нам краснобаев и Армии спасения. Сократите на час рабочий день—и я счастливый человек. Накиньте лишний доллар—и я счастливый человек. Три кормежки в день, своя капуста в палисаднике, равноправие, баба с ребятишками, избирательный бюллетень в лапе—и, кроме Иисуса, мне никого не надо. Так, что ли? Дьявольщина! Чего искать? Это—внутри тебя, не одна же там утроба! Раскармливать морду булочками и кофе—это одно, и другое—оно глубже, на дне. Его не ухватишь, не остановишь. Ворочается оно—и все вокруг движется, а стает—и замрет весь мир. Вот как я сейчас—отстучал, сломалась машинка. Был заодно со сталью—целым миром владел, а стал сам по себе—и мир меня подмял. Ах, дьявольщина! Не вижу ничего, сплошные потемки. Все наперекосьяк! *(Обращает к небесам горькое, глумливое*

лицо, словно повздорившая с луной обезьяна.) Эй, лунный человек, если ты правда умный—подскажи, а? Шепни по секрету, что вы там решили: куда мне идти?

Полицейский (*появившись на улице, он слышит последние слова Янки, мрачно шутит*). Ты пойдешь в участок, дурачок, если не встанешь и не отправишься своей дорогой.

Янки (*разглядев его, заходится безрадостным смехом*). Ясное дело! Сажай меня под замок! Суй в клетку! Другого ответа ты не знаешь. Давай, сажай.

Полицейский. Ты что натворил?

Янки. Достаточно, чтобы помереть в тюрьме. Я родился, представляешь? За это нужно сажать. Запиши в свою книжку: родился.

Полицейский (*веселясь*). Господь простит твоей мамаше этот грех. (*Серьезным тоном*.) Ну, валять дурака мне с тобой некогда. Тебя хорошо отделали. Надо бы тебя забрать в участок, да больно далеко шагать. Давай поднимайся—или тебе дубинка понятнее? Держись! (*Ставит его на ноги*.)

Янки (*глухо и насмешливо*). А теперь куда?

Полицейский (*толкнув его, с равнодушной улыбкой*). К черту в пекло.

Занавес

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

В сумерках на следующий день. Обезьянник в зоопарке. Пятно ясного, рассеянного света падает на одну из клеток, видна ее внутренность. Остальные клетки только угадываются, их окутывает мрак, из которого доносится пронзительная тарабарщина—этакие кумушкины пересуды. На клетке дощечка с надписью «Горилла». На скамье огромный зверь в позе, напоминающей роденовского «Мыслителя». Слева появляется Янки. Тотчас вскипает волна сердитой трескотни и визга. Безмолвно и не шелохнувшись, горилла переводит на него глаза.

Янки (*разражаясь безрадостным смехом*). Добро пожаловать в ваш город—так, что ли? Как в песне—«Сюда, сюда, на сбор друзей!».

При звуках его голоса звери смолкают, наступает внимающая тишина.

(*Подходит к клетке, ложится грудью на поручень, смотрит на гориллу*.)

Зверь смотрит на него, молчаливый и неподвижный.

Стоит мертвая тишина.

(Заговаривает дружеским, доверительным тоном, отчасти подтрунивая над слушателем, но с глубоким сочувствием к нему.) Ты суровый парнишка, правда? Мне попадались крепкие орешки, которых ребята называли гориллами, а ты первый — и вправду горилла. Приличная у тебя грудная клетка, и плечи, и руки, и кулаки. Пара таких кулаков кого хочешь сделает глупым! *(Это говорится с неподдельным восхищением.)*

Словно понимая его, горилла выпрямляется, колесом выкатывает грудь и колотит в нее кулаком.

(Понимающе ухмыляется.) Все ясно. Тебе сам черт не брат, верно? Ты понимаешь, что я сказал, хотя не знаешь слов. *(В голосе появляется горечь.)* Еще бы тебе не понять меня! Ведь мы с тобой одна компания — косматые обезьяны.

Смотрят друг на друга. Пауза.

(Продолжает неспешно и с той же горечью.) Так это она тебя увидела, когда смотрела на меня, беломордая шлюха! Для нее я был — ты, понимаешь? Только снаружи клетки, на свободе. Решила, что буду ее убивать. Дура не понимала, что я тоже был в клетке, похуже твоей, потому что ты еще можешь выбраться, а я... *(Сбивается.)* Дьявольщина! Все вкривь и вкось!

Пауза.

Небось интересуешься, что я тут делаю? Со вчерашнего вечера грел скамейку в парке. Видел, как солнце взошло. Красота! Все кругом красное, розовое, зеленое. Смотрел на небоскребы — сталь! — на корабли со всего света — тоже стальные! Солнце теплое, на небе никаких облаков, ветерок дует. Шикарно, что говорить. Пэдди прав: это — дело, только не для меня. Не имею отношения. Не задевает. И вот я думал-думал и притопал к вам — посмотреть, какая ты есть. Весь день ждал, когда ты останешься одна. Слушай, а как ты сидишь в этой камере все время? Терпишь, что они приходят, глазеют, беломордые худущие шлюхи с болванами, которые женились на них? Развлекаются тут, смеются над тобой, боятся тебя, пропади они все пропадом?! *(Бьет кулаком в поручень.)*

Горилла трясет прутья клетки, рычит.
В темноте поднимают гашеж другие обезьяны.

(Возбужденно продолжает.) Правильно! И я от этого на стену лезу! Только тебе — лучше. Они тебе никто, ты это знаешь. А я — я с ними, но я им чужой. Им со мной

ничего делать, поняла? Трудно это—думать... (С мучительной гримасой проводит рукой по лбу.)

Горилла волнуется.

(Продолжает неуверенно, на ощупь.) Я, понимаешь, вот к чему: ты сидишь, и мерещится тебе всякое там прошлое—ну, зеленые леса, джунгли и вообще. Это—твое, они к этому не относятся. И тогда ты можешь смеяться им в морду, правильно? Ты всех победила! А я? Что у меня в прошлом? Что впереди? У меня только сегодня, а тут мне некуда приткнуться. Тебе куда лучше, чем мне! Ты думать не умеешь. Говорить не умеешь. А я сблефую, когда думаю или говорю, и вроде бы вышел, но тут они выкладывают джокер! *(Смеется.)* Я не на земле и не на небе, понятно? Я посередке, развожу их в стороны и получаю от них тумачи. Может, это и есть ад? А? А ты в самом низу. Ты на своем месте. Ты счастливей всех на свете!

Горилла горделиво рыкает.

Поэтому они засадили тебя в клетку. Поняла?

Горилла рычит сердито.

Ну вот, ты понимаешь. Словами или там мыслями этого не ухватить, это где-то глубоко, за чем-то еще, а мы с тобой чувствуем. Потому что—одна компания. *(Смеется, потом в сердцах обрывает себя.)* Какого дьявола! К черту все! Надо что-то делать! И тогда будет толк! Сбить их с ног, колошматить, пока не угодят стальной пулей! Будешь на пару? Они же пялились на тебя в клетке, верно? Хочешь сквитаться? Лучше умереть весело, чем тут подыхать.

Горилла ревом выражает согласие.

(Зажигается каким-то иступленным восторгом.) Правильно! Молодчина! Ты не подведешь! На пару, а?—мы же одна компания! Мы такую гастроль устроим—в зале живых не останется! После нас будут делать клетки покрепче!

Внепившись в прутья, подвывая, горилла нетерпеливо скачет на месте.

(Достает из-под пальто отмычку и открывает клетку.) Амнистия! Выходи и давай лапу! Поведу тебя прогуляться на Пятую авеню. Сотрем их с лица земли и умрем с музыкой! Выходи, друг!

Горилла осторожно выбирается из клетки. Подходит к Янки, стоит и смотрит на него.

(Выдерживая насмешливый тон, протягивает руку.) Поздороваемся нашим секретным манером.

Что-то в его голосе — возможно, этот насмешливый тон — приподит зверя в ярость. Прыгнув на Янки, горилла оплетает его огромными передними конечностями и сжимает смертельной хваткой. Слышен хруст сломанных ребер и полужадушенный вопль еще паясничавшего Янки.

Эй! Я не просил целовать!

Горилла разжимает объятия, и тело оседает наземь; постояв над ним будто в туном раздумье, горилла подбирает его, забрасывает в клетку, захлопывает дверцу и, шаркая, сумрачно уходит в темноту налево. Перепуганные звери поднимают невообразимый шум и плач. Янки шевелится, стонет, открывает глаза. Все стихает.

Слушай... тебе, видать, покрепче соперник нужен. Достала она меня. Крышка. Даже эта своим не признает. *(С надрывным отчаянием.)* Куда же деваться, господи! Где мне есть место? *(Овладев собой.)* А-а, какого дьявола! Не скулить. Не клячить. Умереть в своей шкуре. *(Хватается за прутья решетки и, подтягиваясь, с трудом встает на ноги, озадаченно оглядывается и невесело смеется.)* Вот я и в клетке. *(Скрипучим голосом циркового зазывалы.)* Леди и джентльмены, подойдите и бросьте взгляд на единственную и неповторимую... *(Его голос слабеет.)* единственную и неповторимую... косматую обезьяну из диких... *(Падает на пол и умирает.)*

Обезьяны заводят bestолковый и жалобный плач. Может статься, косматая обезьяна наконец нашла свое место.

Занавес